

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Л. Алексеева

Гражданское общество и судебная власть

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Alekseeva_47.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

воду говорил: «Трудности создают не новые идеи, а освобождение от старых». Так как же от них освободиться?

Философия, по словам Мамардашвили, занимается изучением дела мысли во всяком деле. По-настоящему его интересовало только это: способность человека думать и размышлять о таких несуществующих в природе вещах, как свобода, истина, справедливость, красота.

Удивительно, говорил он часто на своих лекциях, что все это есть в реальной жизни, хотя ты постоянно видишь вокруг, что люди предпочитают оставаться несвободными, склонны к агрессии, мести, сталкиваешься с ложью, несправедливостью, обманом, завистью. А потом повторял: но ведь свобода, как и истина, тем не менее есть, существует. И мы знаем об этом по собственному опыту, личному переживанию, когда неизвестно откуда и почему в нас как бы вспыхивает внезапно свет, и мы неожиданно обнаруживаем свою уникальность в окружающем мире и чувствуем, что между нами и миром есть некая невидимая связь. Он убеждал слушателей, что именно в этом состоит искусство и призвание философа: в сохранении такой уникальности и удержании этой связи; что, только начиная мыслить, мы начинаем понимать себя и, понимая себя, начинаем понимать других, преодолевая тем самым нашу мыслительную неграмотность.

Другими словами, мы рождаемся не только естественным, биологическим путем, а посредством некоего органа «второго рождения» — из тех впечатлений, которые говорят нам о чем-то скрытом в нас, из-за чего мы волнуемся, переживаем, страдаем, радуемся, когда в нас рождается человеческая личность. Если же мы собираем или копим впечатления, постоянно психологизируя их, то все прожитое неизбежно повторяется, и мы так и не узнаем, на что способны как свободные люди. Здесь и встает радикальный вопрос: как же тогда мы учимся из опыта?

Обычно мы говорим в таких случаях, что *жизнь научит* и заставит человека считаться с обстоятельствами. А Мамардашвили, обращаясь к аудитории, рассуждал, что в наших российских условиях только наше чувство долга и соответствующее призвание способны кристаллизовать аморфное общественное пространство, противопоставляя своеволию бюрократической власти нечто более осмысленное. Ибо культура вырастает из идеи придания формы не только духовной жизни, но и жизни политической, в любой сфере человеческой жизнедеятельности, в которую люди вкладывают свою душу, движимые страстью к познанию.

Гражданское общество и судебная власть*

В главе первой Конституции РФ сказано: «РФ есть демократическое правовое государство». Статья третья гласит: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ». Что собой представляет власть, определяет статья десятая: «Государственная власть в РФ осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную» При этом утверждается: «Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны». Статья 6 гарантирует нам право на справедливое судебное разбирательство. Статья 32 (часть пятая) закрепляет право граждан на участие в отправлении правосудия.

Я начала с цитирования этих статей, чтобы, во-первых, напомнить очевидное: взаимоотношения власти и народа у нас сложились вовсе не по Конституции, а во-вторых, чтобы обосновать как абсолютно конституционные свои представления о взаимоотношениях власти и гражданского общества в целом и в частности — с судебной властью.

Нам часто повторяют об особом пути России и об особенностях нашей демократии, даже название для нее особое придумано: «суверенная демократия». Конечно, мы особые. Демократические государства очень различаются между собой: скажем, демократия нидерландская очень отличается от американской, от шведской, от французской и от германской.

Но разделение трех ветвей власти и их независимость друг от друга — обязательный признак современного демократического государства. Не только это, но и такие атрибуты демократии, как выборность власти, ее периодическая сменяемость и т.д. Все это есть в нашей Конституции, которая была составлена после тщательного изучения специалистами конституций демократических стран современного мира. Но то, что у них обеспечивает функционирование демократического правового порядка, у нас не работает. Нет у нас демократического государства. Почему?

Людмила Алексеева,
председатель Московской
Хельсинкской группы

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Бекасово 12 декабря 2008 года.

Потому что у нас не окрепло еще гражданское общество, а без этого современная демократия так же невозможна, как без разделения властей и самостоятельности трех ветвей власти.

Что же это такое — гражданское общество? Его облик тоже в каждой стране свой особый. Но он тоже обладает во всех странах общими чертами.

Гражданское общество это нечто, находящееся за пределами властных структур, оно отделено от власти. Но это не все население в целом, это так или иначе структурированная его часть, и к тому же обладающая каким-то энергетическим зарядом. У нас в России гражданское общество начало формироваться в самом конце 1980 — начале 1990-х годов. При зарождении гражданского общества его составляли различные организации неформалов, народные фронты, дискуссионные клубы, клубы избирателей. Тогда же появились зачатки политических партий. Сейчас это различные общественные некоммерческие неполитические организации и их сообщества — правозащитное, экологическое, журналистское и другие. Это политические организации и партии из тех, которые возникли сами, а не созданы в Кремле. Это независимые СМИ, объединения предпринимателей, экспертов, независимые профсоюзы. В последние три года появились такие формы общественной активности, как движения в защиту интересов разных социальных групп: движение владельцев автомобилей, владельцев жилья, фермеров и других сельских жителей, движение обманутых инвесторов. По численности граждан, участвующих во всех этих объединениях, наше гражданское общество не меньше, чем во Франции или Германии, и уж точно больше, чем в Великобритании, Швеции или Нидерландах. Но у нас ячейки гражданского общества разбросаны по огромной территории и невелики в сравнении с численностью населения. Но дело не толь-

ко в этом. Дело в незрелости нашего гражданского общества. Эта незрелость особенно заметно проявляется в неспособности к организации граждан при весьма развитой способности к этому у нашей бюрократии, которая и есть наша государственная власть.

У нас не смогли создать сильные партии ни демократы, ни националисты, ни фашисты. А бюрократия имеет свою партию, которую так откровенно и называет партией власти. Это «Единая Россия». Вследствие незрелости, неумелости гражданского общества, эта партия чиновников, власти исполнительной захватила власть законодательную и власть судебную. У нас нет независимого парламента и независимого суда.

Если разделение властей отсутствует, если фактически существует один лишь центр (или вертикаль) власти, такое государство не является демократическим. Оно является авторитарным. Авторитарные государства — это государства, в которых отсутствует гражданское общество или оно слабо. По мере же его усиления авторитарная власть уступает свои позиции и постепенно авторитарный режим сменяется демократическим. В определенных обстоятельствах это может произойти в результате революции. Но пока демократия не окрепла, возможны и изменения в обратную сторону. Именно это произошло в нашей стране в течение последнего десятилетия. Процесс демократизации, который худо-бедно шел в 1990-е годы, без всяких видимых потрясений двинулся в обратную сторону, и нынешний режим демократическим не является, так как лишен главных атрибутов демократии — разделения ветвей власти и возможности ее смены путем выборов. В авторитарных государствах народ, граждане к управлению не допускаются, они отчуждены от власти. У нас между властью и обществом лежит непроходимая пропасть. Настоятельно необходимо эту пропасть между властью и обществом преодолеть, добиться их рав-

ноправного сотрудничества. Потому что в современных условиях только те страны достигают экономического процветания и политической стабильности, в которых используется весь человеческий потенциал — и властных структур, и гражданского общества, когда они не тратят силы на борьбу между собой, а мирно сотрудничают. Это сотрудничество должно осуществляться в форме гражданского контроля за всеми сферами деятельности государственных органов, которые затрагивают интересы граждан. При этом гражданское общество должно брать на себя все функции, которые граждане могут осуществлять сами, без вмешательства государства. Но наше гражданское общество еще не имеет достаточно сил, чтобы установить гражданский контроль во всех сферах и взять на себя значительную часть функций, выполняемых государственной властью, обычно плохо выполняемых или никак не выполняемых. Поэтому мы должны выбрать какие-то направления, наиболее для нас важные, чтобы сконцентрировать на них усилия если не всего, то большей части гражданского общества. Я полагаю, что сконцентрироваться можно на оздоровлении судебной власти.

Представьте себе, что все у нас осталось по-прежнему, как есть сейчас, но при этом у нас был бы независимый, компетентный, не коррумпированный суд. Ведь очень быстро разрешилась бы масса проблем, сейчас не решаемых. Воспрял бы бизнес, пришли бы иностранные и отечественные инвестиции, упали бы цены на жилье. А сколько искалеченных судеб не было бы искалечено! И выборы у нас стали бы честными, а значит, и власть сменяемой и, следовательно, подотчетной гражданам. И исполнительная и законодательная власть научились бы относиться к нам и к на-

шим проблемам с вниманием и уважением. Ведь именно зависимость судебной власти от исполнительной определяет применение судами законодательства о выборах; рассмотрение исков к

Справедливый суд – это один из немногих, может быть, единственный фактор, способный объединить наше расколотое общество

СМИ и журналистам, должностных лиц о защите их чести и достоинства; судебное преследование общественных организаций, раздражающих начальство независимостью и критикой. В отчаяние приводят решения судов по спорам хозяйствующих субъектов в пользу государства или в пользу захватчиков чужого добра, если им покровительствуют представители власти.

Между тем гражданское общество созрело для единодушного требования справедливого суда, гарантированного нам Конституцией, и кровно заинтересовано в скорейшем достижении этой цели. Необходимость справедливого суда — это один из немногих, может быть, единственный фактор, способный объединить наше расколотое общество. Требование совершенствования судебной системы в интересах граждан, может быть, является единственным создающим возможность объединения самых разных людей и организаций для решения общей для всего народа задачи. Это тот случай, когда можно организовать объединенное давление гражданского общества на государственную власть, чтобы принудить ее к действиям по совершенствованию судебной системы. Какие у нас, граждан, есть возможности повлиять на качество судебной власти?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно представить себе, как эта власть устроена и как она действует.

Энтони Гормлей. Без названия. 1986

Наша судебная власть построена по тому же принципу, что и власть исполнительная, — это вертикаль. Судей у нас утверждает президент, но в представлении ему кандидатур и продлении судейского статуса после испытательного срока большую роль играет местная исполнительная власть и председатели судов. Судья очень сильно зависит от председателя суда — в его руках организационные и финансовые рычаги. Председатель распределяет, какие дела судья будет вести, его роль решающая при распределении всех благ: квартиры, награды, повышение в должности, поездки за рубеж и в столицу. Более того, роль председателя является решающей в сохранении судьей его статуса или лишении его. Формально отстраняет судью от должности квалификационная коллегия, состоящая в основном из судей. Вроде бы очень демократический принцип. Но поскольку судьи зависят от председателя, то чаще всего они принимают решение, угодное председателю.

Председатель суда, в свою очередь, тесно связан с исполнительной властью соответствующего уровня. От исполнительной власти судейский корпус получает квартиры, от исполнительной власти зависят условия работы суда и судей: выделение здания под суд, его ремонт, благоустройство, оборудование и многое другое. Эта зависимость и тесное переплетение интересов исполнительной и судебной власти способствуют их слиянию в единую чиновничью корпорацию. Это особенно заметно в маленьких городах. Там привилегированный слой составляют мэр и его окружение, прокурорское и милицееское начальство, а также председатель суда и приближенные к нему судьи. Эти люди постоянно общаются, и не только по делу. Они вместе отмечают государственные и семейные праздники, и в этой среде очень часты корпоративные браки, скажем, дочь прокурора выходит замуж за сына начальника милиции или

сын прокурора женится на дочери председателя суда. В силу такой корпоративности ментальность наших судей — это скорее ментальность чиновничья, а не независимого арбитра. Соответственно и все судебные дела решаются в этом кругу полюбовно, если в каком-то деле, проходящем через суд, есть интерес кого-то из членов этой чиновничьей корпорации. Начальник милиции, будучи пьяным, сбил машиной жителя города — сколько мы знаем таких случаев, когда начальники и их родственники выходят из таких дел безнаказанными! Или какой-то правдолюбец доказывает, что квартиру, которая полагалась ветерану войны, незаконно получил, скажем, прокурор. Опять же судья сплошь и рядом решает такие дела не по закону, а в интересах члена привилегированной корпорации, к которой он сам принадлежит. Говорят, у нас действует телефонное право. Но зачастую не нужно и звонка сверху: судья сам знает, как решать такие дела. Особенно когда речь идет об интересах большого начальника или дело ведет ФСБ. Могу сказать, что в делах об убийстве журналистов, выступавших с критикой высокопоставленных лиц, а таких дел немало — Холодов, Щекочихин, Политковская, — в лучшем случае судили убийц, но ни разу — ни разу не добрались до заказчиков злодеяния!

Как же быть? Как долго может в современном мире существовать страна со 140-миллионным населением, в которой пробуксовывает, не работает судебная система? И как результат — в местах лишения свободы у нас совсем не редкость люди, не совершившие преступления, но приговоренные к огромным срокам заключения. И не только по корысти, но и по равнодушию. Ведь следствие у нас работает из рук вон плохо, а судьи штампуют выводы следователя, нередко полученные с помощью пыток, потому что о результатах работы и милиции и следствия судят по числу

раскрытых дел. Вот и обвиняют первых попавшихся, не имеющих высокой защиты, а насильники и другие преступники остаются на свободе. Масса примеров решения хозяйственных дел в суде не в пользу добросовестного собственника, а в пользу незаконно захватившего чужую собственность и заплативших кому нужно из начальства. Неудивительно, что, по данным Левада-Центра, 65% российских граждан не доверяют нашему суду.

Выход из этого положения для граждан — активное участие в совершенствовании казенной судебной системы и в развитии альтернативного судопроизводства.

Сначала о том, что мы, граждане, можем сделать для совершенствования судебной власти. Это не так уж много, но все-таки...

Прежде всего, в наших силах придание гласности желательного каждого известного нам приговора, вынесенного с нарушением закона. Для этого есть независимые СМИ, Интернет, разные формы прямого общения, такие, например, как наш сегодняшний семинар. Да и в контролируемых государством СМИ можно обсуждать злоупотребления чиновников более низкого ранга, чем те, которые данный источник информации контролирует: на центральных телеканалах можно критиковать злоупотребления на уровне регионов, на региональных — муниципальные злоупотребления и т.д. В придании гласности могут участвовать не только журналисты, но и правозащитники, разные эксперты, юристы, социологи и т.д. Они могут отслеживать работу судов, а заинтересованные организации, например молодежные, объединения предпринимателей и т.д., — отслеживать судебные процессы, затрагивающие их интересы и публиковать результаты этих мониторингов. Такой общественный контроль за деятельностью судов уже проводится разными организациями в разных ре-

гионах, но нужно сделать эту практику постоянной и повсеместной.

Все чаще используется у нас такая возможность корректировки казенного правосудия, как подача жалоб в Европейский суд по правам человека. К сожалению, рассмотрение дел, принятых в этот суд, растягивается на несколько лет. Но, несмотря на это, численность обращений туда российских граждан растет год от года, потому что усиливается расхождение представлений о справедливости граждан и власти, включая судей. Подавляющее большинство жалоб российских граждан, поданных в Европейский суд, — это именно жалобы на отсутствие справедливого суда.

Однако самое главное, чего мы должны добиваться для оздоровления нашей судебной власти, — это расширение прямого участия граждан в отправлении правосудия. Прежде всего это суды присяжных.

Суд присяжных — это глас народа. Ведь там решают, виновен подсудимый или не виновен, не судьи, а рядовые граждане. Вы знаете, в присяжные заседатели подбирают по случайной выборке. Таким образом, суд присяжных это прямое вхождение граждан в такую важную ветвь власти, как власть судебная, реальное выполнение рядовыми гражданами властных функций. Суд присяжных привносит в судебную систему, действующую по универсальным юридическим правилам, представления о справедливости, бытующие в обществе данной страны в данное время, и таким образом корректирует законы, которые иной раз плохо написаны или отстали от жизни. У нас в России законы очень жестокие, гораздо более жестокие, чем большинство из нас. И это одна из причин, почему суды присяжных часто милостивее наших судей.

Эффективность суда присяжных прошла более чем вековую проверку во многих демократических странах. Например, в США эти суды рассматрива-

ют 95% гражданских дел, то есть там судебная власть почти целиком осуществляется с участием граждан, — и там нет такого недоверия и неуважения к суду, как у нас.

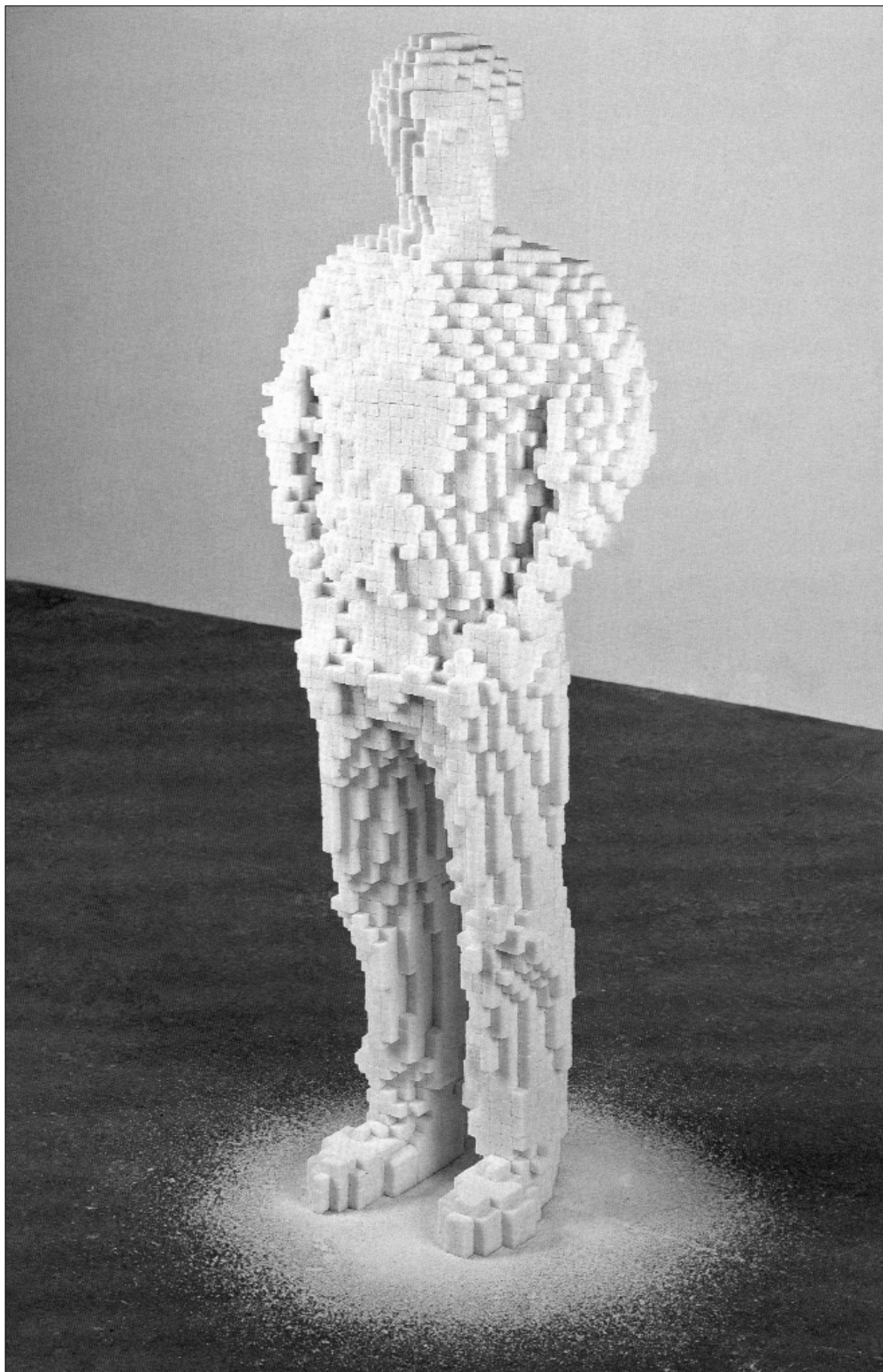
В нашей стране суд присяжных был введен при царе Александре II вскоре после отмены крепостного права, просуществовал до 1917 года и прекрасно себя зарекомендовал. После революции он был возобновлен лишь в Конституции РФ, принятой в 1993 году. Однако сейчас продвижение в жизнь этого суда вызывало и вызывает мощное сопротивление бюрократии и поэтому приживается очень медленно. Хотя Конституция никак не ограничивает сферу действия суда присяжных, соответствующий закон определил, что этот суд может рассматривать дела лишь о тяжких преступлениях в тех случаях, когда об этом просят обвиняемые. В результате мы имеем такую статистику: в 2007 году 9 млн гражданских дел были рассмотрены без какого-либо участия граждан. По уголовным преступлениям было рассмотрено 1 млн 174 тыс. дел. Из них суды присяжных рассмотрели 534 дела. Ничтожно мало!

Но вот последняя инициатива Государственной думы: в начале декабря Госдума приняла в первом чтении законопроект об изъятии из ведения суда присяжных рассмотрение дел почти по 20 статьям УК, а именно все дела о преступлениях против государства. Все такие дела квалифицируются как тяжкие преступления и поэтому подлежат рассмотрению в суде присяжных, что правильно — дела о преступлениях против государства не должны рассматривать государственные чиновники, каковыми по существу являются наши судьи. Этот законопроект обосновывается необходимостью усиления мер по борьбе с терроризмом, хотя в последнее время вроде бы у нас никаких особых терактов не происходило. У меня сложилось впечатление, что этот законопроект внесен

и рассматривается в большой спешке ради одной статьи, запрятанной среди остальных для меньшей заметности: из ведения присяжных предлагается изъять рассмотрение дел об участниках массовых беспорядков, что, кстати, никакого отношения к терроризму не имеет. Думаю, здесь проявилось опасение беспорядков в связи с экономическим кризисом. И, конечно же, опасно отдать такие дела на рассмотрение граждан: представления о виновности участников таких беспорядков у граждан могут сильно разойтись с мнением авторов законопроекта.

Возможно, сферу действия суда присяжных заторопились сузить и в связи с событиями на суде над обвиняемыми в убийстве Анны Политковской. После первого заседания председательствующий судья Евгений Зубов, как известно, заявил, что суд будет закрытым по требованию присяжных, которые, мол, боятся присутствия журналистов в зале заседаний. Однако один из присяжных сказал публично, что ни он, ни его коллеги об этом не просили, несмотря на то, что им предлагали подписать такое письмо, кем-то за них составленное. И 19 из 20 присяжных заявили письменно, что они не просили закрыть суд и не против присутствия на суде журналистов. Вот, кстати, очевидная разница между позицией судьи, конечно же, хорошего профессионала, но человека подневольного, и присяжных — самых разных людей, которые не побоялись занять в этом принципиальном вопросе по-настоящему гражданскую позицию. Ведь если суд без каких-либо оснований хотят сделать закрытым, это значит, что ФСБ, которая ведет дело об убийстве Политковской, есть что скрывать от ее коллег-журналистов и от публики. Вот чего боятся наши бюрократы — участия граждан в отправлении правосудия.

Кстати, я не раз выслушивала от тех, кто побывал присяжным, что они ощутили себя гражданами, может быть,

Том Фридман. Без названия. 1999

первый раз в жизни, выросли в собственных глазах, почувствовали ответственность за судьбы других людей и очень хотели исполнить возложенные на них обязанности как можно лучше. Наши бюрократы, а следом за ними и некоторые журналисты обвиняют присяжных в бездумном оправдании заведомых преступников. Но если проанализировать такие обвинения, то оказывается, что вердикты выносятся с полной ответственностью. Известен случай оправдания присяжными обвиняемых в убийстве на почве национальной ненависти девятилетней девочки-таджички в Санкт-Петербурге. Но дело в том, что присяжные вынесли оправдательный вердикт потому, что не поверили следствию и прокурору, что на скамье подсудимых сидят именно убийцы бедной девочки, а не потому, что они одобряли это убийство. Присяжные чаще, чем профессиональные судьи, не верят следствию, хотя им нередко мешают разобраться в деле. Так, в судебных процессах, которые ведет ФСБ, например по обвинению в разглашении государственной тайны, судьи лишают присяжных возможности выслушать свидетелей защиты, которые доказывают, что разглашенные сведения не являются секретными.

Противники судебной реформы сумели посеять среди журналистов пренебрежительное отношение к присяжным: мол, среди них много безответственных людей, безграмотных, не способных разобраться в деле, и вообще приличный человек в присяжные не пойдет, идут лишь те, кому делать нечего. Тем не менее, несмотря на многие недостатки закона о суде присяжных и порой удачные попытки манипулировать ими со стороны недобросовестных судей, именно суд присяжных — это реальный путь к оздоровлению нашей порочной судебной системы. Надо добиваться расширения сферы его применения, надо укреплять его авторитет среди населения и всяче-

ски ему помогать, если мы хотим жить в стране со справедливым судом.

Однако вряд ли нам удастся в обозримом будущем существенно улучшить наш казенный суд, избавиться от неправосудных решений, добиться равенства граждан и государства и его чиновников перед правосудием, избавиться от обвинения лиц, вина которых не доказана. Поэтому, используя все средства для смягчения пороков официального правосудия, следует стремиться по возможности избавить граждан от его услуг. Такую возможность дает альтернативное правосудие, осуществляемое самими гражданами. Нужно сказать, что в США и в Европе гражданское общество выбрало именно этот путь и там уже накоплен положительный опыт в этом отношении.

Что такое альтернативное правосудие? Это досудебные примирительные процедуры, это третейские суды, это комитеты по этике и т.д. В России юридическая мысль тоже идет в этом направлении.

Рассмотрим формы альтернативного правосудия, применение которых не возбраняется законом.

Суть восстановительного правосудия в том, чтобы с помощью подготовленных медиаторов (посредников) до суда попытаться примирить стороны, помочь им договориться с учетом конкретных обстоятельств дела, используя не столько нормы права, сколько обычаи и особенности менталитета сторон конфликта. Скажем, подросток угнал машину соседа, чтобы покататься, и при этом повредил ее так, что она требует существенного ремонта. Если это дело пойдет в казенный суд, мальчишка окажется в колонии для несовершеннолетних, откуда он, вероятнее всего, выйдет человеком, ориентированным на уголовщину. Его жизнь пойдет по этой колее. А пострадавший сосед получит лишь злобное удовлетворение, что малец наказан. Если же в этом случае применить досудебное примирение, то мальчишка

останется в семье, при условии, что он осознал свою вину перед соседом, дал обещание возместить причиненный ему ущерб и это обещание выполняет. Принципы восстановительного правосудия — сглаживание вреда личными усилиями виновника конфликта и общественный контроль за выполнением его обещания перед потерпевшим. Уже имеются подвижки во внедрении в жизнь восстановительного правосудия в нашей стране: это прежде всего школьные службы примирения как система профилактики правонарушений несовершеннолетних. Они создаются в тех регионах, где руководство правоохранительных органов поддерживает эту инициативу общественности. Теперь о третейских судах. Это способ рассмотрения споров между сторонами, когда обе они согласны отдать решение не казенному суду, а гражданскому — третейскому. Эти суды формируются самими гражданами. Сейчас у нас в стране действует около 600 таких судов — при торгово-промышленных палатах, при разных неправительственных общественных организациях. Скажем, Всероссийское движение за права человека создало такой суд, и я состою там одним из судей. Принципиальная особенность третейского судопроизводства — добровольность. Стороны должны заключить соглашение об обращении в тот третейский суд, в котором они хотели бы решить свой спор. Стороны могут также создать свой суд и сами определить правила рассмотрения их дела. Каждая сторона выбирает своего арбитра, и вместе они выбирают председателя суда. Эти трое и составляют третейский суд. Если какая-либо из сторон недовольна решением третейского суда, решение может быть обжаловано в государственный арбитражный суд, но не по существу дела, а только если были допущены грубые процессуальные нарушения. Если проигравшая сторона уклоняется от исполнения решения третейского суда, то ис-

полнительный лист выдает арбитражный суд. Третейские разбирательства разгружают арбитражные суды. Поэтому арбитражные судьи относятся к третейским судам благосклонно, как и Верховный суд России. Пленум Верховного суда в июне 2008 года вынес постановление, которым возложил на судей обязанность разъяснять сторонам их право на передачу дела в третейский суд. Третейские суды разбирают в основном хозяйственные споры между гражданами. Но в США, например, они рассматривают и налоговые споры, и административные дела. Быстрота, экономичность, конфиденциальность выбора арбитров, согласование позиций сторон, при котором возможно устранение конфликта, — вот отличительные черты альтернативных методов правосудия. Что же мы, граждане, можем сделать для расширения сферы действия альтернативного правосудия? Информировать население о возможности разрешения споров в альтернативном порядке; способствовать созданию третейских судов, использованию примирительных процедур. Все эти проблемы могут решать самые разные общественные организации. Такие организации уже существуют. В Москве создана Всероссийская гражданская сеть — ВГС. Она ставит своей целью искать во всех регионах организации и отдельных активистов, готовых подключиться к работе по оздоровлению судебной власти в тех формах, которые я перечислила или которые они сами предлагают. Так, в ВГС влилась общественная организация «Бизнес-солидарность». Это объединение предпринимателей в защиту тех, у кого с помощью суда незаконно отбирают собственность. Это движение имеет большой резерв для развития: судебные преследования предпринимателей, у которых есть что отнять, распространились очень широко, и эту опасность осознали уже не только пострадавшие, но и многие из тех, кого напрямую это еще не задело.

Фонд Индем, тоже вошедший в ВГС, осуществляет мониторинг работы судов. Независимый экспертно-правовой совет, состоящий из юристов-профессионалов высокого класса, тоже ставший членом ВГС, занимается обучением активистов из общественных организаций, учреждающих третейские суды. НПО «Общественный вердикт», имеющая партнерские организации в нескольких регионах, ведет дела граждан, подвергшихся избиениям и пыткам в милиции или под следствием. Фонд «В защиту гласности», журналистский клуб «Гражданин» готовы способствовать публикации соответствующих материалов журналистами в разных регионах. Все вместе это уже можно назвать движением «Граждане за справедливый суд». Это движение имеет хорошую перспективу стать основным направлением усилий не только правозащитных, но самых разных общественных организаций; возможно к нему подключатся политические партии, потому что нет та-

кого гражданского объединения, которое не ощутило бы на собственной практике дефекты нашей судебной системы. Это касается не только организованной части общества, но и огромного числа граждан, ни в каких организациях не состоящих, но пострадавших от российского правосудия. Общая цель участников движения «Граждане за справедливый суд» — добиться проведения судебной реформы на основании требований, предъявляемых обществом, с широким обсуждением каждой детали этой реформы, с проведением их пилотных испытаний до окончательного утверждения в качестве закона. Я знаю, что добиться этого чрезвычайно трудно в нынешней обстановке. Но невозможно мириться с состоянием нашей судебной системы. Мы должны приблизить ее реформу подключением к решению этой проблемы усилий большого числа организаций и активных граждан. По-моему, наше общество созрело для того, чтобы решить эту задачу.